

ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ: «ОКНО» ИНДИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН (ИНТЕРЕСЫ, ЦЕЛИ, ПЕРСПЕКТИВЫ)

С каждым годом Южно-Китайское море (ЮКМ) приобретает все большую значимость как стратегический выход из Индийского океана в Тихий, как транзит нефти, который в три раза выше, чем через Суэцкий канал и удвоится к 2020 г., как источник крупных запасов нефти и газа. В силу указанных факторов с 2008-09 гг. здесь затягиваются в тугой узел несовместимые интересы слишком многих стран, и в итоге давние территориальные споры и конфликты регионального, казалось бы, уровня становятся глобальными.

Постановка проблемы

По мере развития споров в ЮКМ параллельно завязывалась дискуссия в мировом научном сообществе о том, следует ли отдать приоритет стратегии, экономике или же энергетике? Что вызывает территориальные претензии?¹ Наверное, у каждого из участников, с недавних пор число которых заметно умножилось, есть свои причины и своя правда.

С точки зрения геостратегии, ЮКМ, не являющееся внутренним морем Китая, безусловно, занимает ключевую локацию, обеспечивая контроль не только над Юго-Восточной Азией, но и над Южной и Восточной Азией. Вместе с тем оно имеет особый статус в силу особенностей его полузамкнутой конфигурации, которая даже по Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. делает права тесно расположенных прибрежных государств на использование ЮКМ крайне сложными и запутанными. Устанавливаемые ими границы Эксклюзивных экономических зон (ЭЭЗ) зачастую накладываются друг на друга, в силу чего споры неизбежны.

Об энергетической значимости ЮКМ говорят сами за себя цифры: «US Energy Information Administration» в 2008 г. оценила запасы нефти в ЮКМ в 213 млрд. барр. Такой объем превышает доказанные запасы большинства стран, исключая Саудовскую Аравию и Венесуэлу, согласно данным BP Statistical Review от 24.07.2013. По мнению китайских специалистов, запасы газа в акватории спорных островов составляют 25 млрд. м³, а нефти не менее 265 млрд. барр. Цифры заманчивые, но, по видимому, не окончательные. Через регион доставляется 80-90% потребляемой нефти в Японию, Китай и Южную Корею, а также проходит около 5,3 трлн. долл. глобальной торговли в год, как отмечал журнал

«Foreign Policy» 3 августа 2012 г. Заметно ширится торговля между ЮВА и СА – к 2015-2016 гг. ее рост может достигнуть 100 млрд. долл.

Анализируя болезненную многофакторную проблему разгорающегося соперничества в ЮКМ, целесообразно изучать явные или скрытые мотивы и интересы сторон комплексно, в динамике, взвешенно оценивая роль каждой из них.

В статье предполагается осветить два среза роли и места ЮКМ для Индии, которые, между тем, тесно связаны. Первый – это один из многочисленных, но скупо освещаемых аспектов территориальной проблемы: эволюция интересов и особенности позиции Индии, не прямого, но оказавшегося втянутым в спор крупного внерегионального участника, на фоне и с учетом тех сдвигов, которые происходят в интересах и позициях основных акторов на арене ЮКМ и, прежде всего, КНР. Второй, пожалуй, более важный для Индии, касается того, каким образом и с какими целями используется ею ЮКМ в Восточной политике (курсе «Смотри на Восток») и конкретно в продвижении в АТР, а также возможной роли Индии в смягчении слишком острой ситуации в ЮКМ.

Цели и задачи курса «Смотри на Восток»

Корабли ВМС Индии достаточно **заметно** стали появляться здесь на **регулярной основе** с рубежа тысячелетий. Это сразу же повлекло ряд вопросов – почему, с какой задачей, надолго ли и т.д. Ответы на них таятся в тесной связи их присутствия с инициированным индийским премьером Нарасимхой Рао в 1991 г. курсом Индии «Смотри на Восток». На первой фазе курс был нацелен на внутренние рыночные широкомасштабные реформы, либерализацию экономики, расширение внешнеэкономических связей, прежде всего с соседней и динамично развивающейся Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), а затем на реализацию широкого спектра индийских экономических, стратегических и политических интересов вне этого региона – в Японии, Южной Корее и т.д.

В рамках объявленного направления руководство Индии, изучая и используя позитивный опыт и динамизм АСЕАН, предусматривало придать свежий импульс прогрессу Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества – СААРК. Беспокоила Дели активизация связей бурно поднимающегося Китая с АСЕАН и на всем пространстве ЮВА, занимающей чрезвычайно важное стратегическое положение на стыке двух океанов².

Непосредственно в ЮКМ Индия предполагала создать не только зону расширенного влияния, но и стратегическую площадку для конкретного обеспечения:

1) свободы судоходства для доставки своих 55% товаров в СВА, объем которых увеличивается после подписания соглашений о всеобъ-

емлющем экономическом партнерстве в 2010 г. с Южной Кореей, о зоне свободной торговли (ЗСТ) в 2009 г. и вступлении в силу в 2010 г. с АСЕАН, а также в 2011 г. с Японией. В настоящее время Индия ведет переговоры с Австралией о ЗСТ, с Китаем – о региональной преференциальной торговле³.

2) доступа индийских компаний к разведке нефтегазовых месторождений в водах у берегов Вьетнама и к добыче с 2001 г. нефти на шельфе Сахалина, ставшим на тот период крупнейшим заграничным проектом Индии в этой отрасли.

Индия примерно на 70% (в будущем на 80%) зависима от внешних источников энергоресурсов. Ей крайне необходима их диверсификация для обеспечения энергетической безопасности. На Сахалине-1 Индия, достигнув пика в производстве в 2007 г., добывает до 50 тыс. барр. в день. В последние годы Индия неоднократно выражала желание нарастить свое присутствие на российском Дальнем Востоке, в частности, войти в разработки газа на «Сахалине-3» с долей в 20%, аналогичной на «Сахалине-1», но не напрямую, а как партнер «Газпрома». Проект интересен тем, что участок богат (1,4 трлн. м³) и уже знаком ONGC⁴.

В середине июля 2013 г. «Роснефть» объявила о рассмотрении возможности привлечения индийской компании ONGC в качестве партнера в строительстве на Сахалине завода по СПГ в 2018-2019 гг. с мощностью в 5 млн. тонн ежегодно. В ходе переговоров руководства РФ и Индии в конце октября 2013 г. в Москве были подтверждены эффективность сотрудничества в сфере энергетики и возможности его расширения⁵. Таким образом, Индия не только сохраняет здесь свои интересы, но и расширяет их.

3) прохода к единственной пока научно-исследовательской полярной базе «Химадри» на одном из норвежских островов Шпицбергена в приобретающей военно-стратегическую, ресурсную и транзитную значимость Арктике и т.д. Начиная с 2007 г. Индия отправляла в Арктику 3-4 научных экспедиций ежегодно. По данным спецвыпуска (июньский номер 2012 г.) солидного журнала “Economist”, к 2020 г. около 2%, а к 2050 г. до 5% судоходства будет осуществляться по арктическим путям. Руководство Индии осознает значимость транспортных возможностей Арктики, хотя в связи с их ростом опасается снижения в определенной мере роли традиционных коммуникаций в зоне Индийского океана. Тем не менее, Индия проявляет интерес к использованию северного морского пути и, особенно, к участию в разработках углеводородов в Арктике совместно с российскими компаниями, о чем было заявлено во время указанного выше российско-индийского саммита 21 октября 2013 г.

По мере усложнения и углубления целей второй фазы курса «Смотри на Восток» появилась также с начала нового века заинтересованность в:

4) укреплении политико-стратегических и военно-морских отношений с государствами АСЕАН, чуть позже с Южной Кореей, Японией и Австралией;

5) достижении частичного контроля морских пространств в и вокруг ЮКМ с помощью механизма совместных маневров и патрулирования стратегических проливов, обмена визитами отрядов кораблей и «демонстрации флага» и т.п. для обеспечения безопасности от традиционных и нетрадиционных угроз в столь сложном регионе, где множились пиратство, терроризм, браконьерство, незаконные перевозки ОМУ и т.п.⁶.

Из ЮКМ в Восточную Азию и далее в АТР

Когда курс «Смотри на Восток» перерос в стремление Индии выйти на уровень глобальной, в том числе, морской державы и обновить более широкое Восточное направление, предусматривающее активное участие в многообещающих интеграционных трендах в «Средиземноморье XXI века» (так стали именовать АТР в силу смещения сюда ведущих глобальных центров экономического развития), интересы и цели страны значительно обогатились.

На данном направлении встала первоначально задача внедрения в ВА. После успешного участия в Восточноазиатском саммите (ВАС) в декабре 2005 г. благодаря поддержке членов АСЕАН, Японии, Южной Кореи, которые признали Индию по его завершению в качестве тихоокеанской державы, у Дели усилились устремления к дальнейшей активизации стратегических и политических взаимосвязей со странами ВА и даже с отдаленными островными государствами Южных морей, где есть опора на индийскую диаспору, например, на Фиджи (где этнические индийцы составляют около 40% населения). В 2003 г. впервые состоялся Диалог Индии с Форумом тихоокеанских островов (PIF). Логика данного шага индийского руководства ясна – *большая вовлеченность в дела юго-западной части Тихого океана усилила бы влияние Индии в регионе, который признан ею зоной «расширенного соседства»*⁷.

Кроме того, Индия намерена была учитывать возрастающее проникновение Китая в Океанию (регион между берегами Австралии и Южной Америки, включающий в себя 13 государств-членов ООН). В связи с этим особо любопытен факт – в августе 2006 г. отряд ВМФ Индии, проводя совместные морские учения с Австралией и Новой Зеландией, впервые включил в них корабли Тонга, Фиджи и Папуа – Новой Гвинеи⁸.

Индия предприняла меры по более материализованному внедрению ВМС в западную часть Тихого океана, чтобы сбалансировать и здесь китайские амбиции и реализовать принципы морской стратегии «Свобода открытого моря: военно-морская стратегия Индии – 2007»,

предусматривающей защиту национальных интересов на пространстве всего Мирового океана.

Индийское руководство добилось участия в региональных и международных многосторонних форматах сотрудничества: ВАС – Восточноазиатский саммит, ШОС – Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС – Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка, АРСИО – Ассоциация сотрудничества стран Индийского океана, ИБСА – Индия, Бразилия, Южная Африка, БИМСТЭК – Всеобъемлющее технико-экономическое сотрудничество стран Бенгальского залива, ЗТМС – Западно-тихоокеанский морской симпозиум, Региональное соглашение по борьбе с пиратами и вооруженным разбоем на море против кораблей в Азии (ReCAAP), Совет сотрудничества по безопасности АТР и др.

Наконец, перед Дели встал вопрос о преодолении существующего **парадокса исключения** Индии, 3-й экономики Азии и 6-й экономики мира, из такой крупнейшей структуры экономического сотрудничества, как АТЭС (Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество).

Безусловно, ЮКМ – это своеобразное «**окно**», наиболее удобный и, пожалуй, единственно оптимальный проход в АТР, без которого решение указанных целей Индии было бы просто невозможно. Индия достаточно успешно подготовила здесь условия для выхода в АТР, добившись доступа к ряду портов и баз прибрежных стран и установив режим стратегического партнерства с рядом из них.

Роль морской стратегии и ВМС

Закономерно возникает вопрос, за счет каких рычагов были достигнуты такие результаты? Исторически большинство взаимосвязей между ЮА и ЮВА развивались по морю. Поэтому и ныне ключевую роль в освоении ЮВА, ЮКМ и пространства западной части Тихого океана*, безусловно, сыграли в первую очередь морская стратегия и ВМФ Индии. В Дели учли особенности географического положения ЮВА и АТР, высокую стратегическую значимость крупных коммуникаций и соединяющих проливов, архипелаговый или полуостровной характер многих стран региона. Индийское руководство также вовремя уловило и верно отреагировало на такие сдвиги в Мировом океане, как появление морских территориальных споров, угроз с моря пиратов, террористов, угроз коммуникациям, угроз природных катаклизмов, угроз незаконных перевозок наркотиков и ОМУ.

В связи с этим в Индии пошли по пути, с одной стороны, укрепления и переоснащения флота, а с другой, расширения его силовой проекции и функций (от чисто военных до гуманитарных).

*В ближайшей перспективе Индия, по-видимому, пока не ставит задачу освоить всю акваторию Тихого океана, да и его отдаленные районы не столь стратегически интересны и важны для нее.

Первая задача практически воплощается в реализации «Перспективного плана военно-морского строительства», принятого в 2011 г., как часть общего плана военного строительства на 2012-2017 гг. За период с 2010 по 2020 гг. индийский флот должен получить 3 авианосца, 31 подлодок разного класса, включая 5-7 – с ядерными установками и 1 из них самую современную «Арихант», 89 боевых кораблей класса эсминец-фрегат-корвет и амфибии, свыше 400 самолетов и т.п. В августе 2013 г. «Арихант» вышла в море на последние испытания. В Военно-морском департаменте дискутировалась с июня 2010 г. идея строительства специальной базы для подлодок на восточном побережье в 200 км от Вишакхапатнама, моделью которой послужит китайская база для подлодок на о. Хайнань⁹. В ноябре 2013 г. Индия получила 3 эскадрильи палубных истребителей МиГ-29К/КУБ, большая часть которых будет использована на авианосце «Викрамадитья» («Адмирал Горшков»).

Новый профиль ВМФ позволяет приступить к выполнению второй задачи – патрулировать в Малаккском проливе, осуществлять контроль значительной части ЮКМ, оперировать вне Индийского океана. Для этого с начала нового тысячелетия ВМФ Индии стал проводить все большее число морских учений на регулярной основе в ЮКМ – в 2000 г. с Вьетнамом, в 2005 и 2009 гг. SIMBEX с Сингапуром, MALABAR в 2007 г. и 2009 г. с США, Японией, Австралией в Бенгальском заливе и у берегов Окинавы, TRILATEX в 2007 г. с США, Японией у западных берегов Японии и в ЮКМ и т.д.

Перечисленные выше и другие маневры являются важным катализатором строительства структуры морских мер доверия и вкладом в дальнейшее развитие военно-стратегических взаимосвязей с прибрежными странами в ЮКМ.

Нынешний уровень ВМФ Индии уже сигнализирует о способности действовать на значительном удалении от собственных берегов. К примеру, география его проекции достигла Владивостока для участия в совместных маневрах «INDRA» в 2007 г. и в 2011 г. с российским флотом, а затем с другими флотами региональных государств СА по окончании длительного (с марта по май) пребывания отряда кораблей Индии в западной части Тихого океана.

Нелишне особо отметить индийско-американские маневры на Аляске в 2004 г. в условиях экстремального холода, создание поста офицера по связи при ПАКОМ (Тихоокеанское командование) на Гавайях в 2005 г., первое участие летом 2012 г. в учениях «RIMPAC» у берегов Гавайского архипелага, около Гуама и Окинавы и др. В феврале 2013 г. Индия объявила о том, что затраты на ВМС выросли с 181 млн.долл. в 1988 г. до 6,78 млрд.долл в 2012 г.¹⁰

Меры Индии по дальнейшему продвижению в АТР, завоевание тихоокеанских позиций вызывают живейшие дискуссии среди экспер-

тов-международников. Их мнения далеко неоднозначны при определении места и роли Индии в АТР. Так, американец Д. Мак-Дугалл ограничил роль Индии **взаимодействием** по разным каналам с государствами АТР¹¹. Индиец Х. Пант, профессор королевского колледжа Лондонского университета, утверждает, что Индия уже является **главным** актором на политической арене АТР наряду с США, Китаем и Японией¹². Д. Скоттиз Университета Брунел в Лондоне склонен к более скромной оценке – Индия стала **игроком** региональных международных отношений. Наконец, У.С. Лэдвиг из Оксфорда полагает, что **влияние** и присутствие Индии наиболее **весомо** ощущается в ЮВА (и с недавних пор в ЮКМ – Н.Л.)¹³.

С последним выводом можно согласиться. Но следует признать, что Индия уже подала немало недвусмысленных сигналов относительно ее амбициозных устремлений по внедрению в пространство АТР и главное – предприняла немало конкретных шагов в данном направлении. Это уже не просто взаимодействие, а нечто большее. И, думается, Индия не намерена остановиться на достигнутом.

В пользу наращивания Индией потенциала восточноазиатского и тихоокеанского игрока действуют несколько факторов:

1) Эффективность курса «Смотри на Восток», который перевел страну из разряда южноазиатского и индоокеанского государства в более широкую категорию;

2) Конструктивный характер участия Дели в ВАС и других указанных структурах регионального сотрудничества;

3) Глубина стратегических взаимодействий с ведущими странами АТР – США, Японией, Австралией, Южной Кореей и членами АСЕАН;

4) Объединение значительной восточной части Индийского океана с АТР в соответствии с новой доктриной 2011 г. США «Тихоокеанский век Америки», придавшей легитимность тихоокеанскому статусу Индии – географически **периферийного** государства.

В Дели признают сложность преодоления разнообразных внутренних социально-экономических ограничений, которые затрудняют реализацию индийских интересов и целей: расширение геостратегических и геополитических позиций в АТР, наращивание экономического присутствия и участия в экономических интеграционных трендах. К их числу можно отнести необходимость дальнейшего подъема экономики, решения проблем бедности и трудоустройства с каждым годом возрастающей массы молодежи, укрепления ВС и ВМС, строительства портовой и базовой инфраструктуры и т.п.

Индия – Вьетнам – Китай в ЮКМ

Вместе с тем реализация курса натолкнулась на определенное неприятие со стороны Китая. В Пекине не были склонны приветствовать

участие Дели в ВАС и других многосторонних структурах (например, в АСЕМ, возможно, в будущем в АТЭС), неоднозначно относились к желанию Индии стать постоянным членом СБ ООН, критиковали и преуменьшали эффективность курса «Смотри на Восток», как и стремление Индии стать глобальной державой, пытаясь ограничить поле влияния и интересов Индии границами Южной Азии или Индийского океана. Китай выражал неудовольствие по поводу заявлений Индии в 2011 г. о намерении обосноваться в ЮКМ и направить группу эсминцев¹⁴.

Наиболее остро обнажились конкуренция и противоречия между сторонами в сфере энергетики, где Индия оказалась участницей давнего спора Вьетнама и Китая в ЮКМ. Случаи соперничества из-за энергоресурсов между Дели и Пекином возникали и в других районах мира – в Мьянме, Казахстане, в Латинской Америке.

Политика Китая в поисках новых источников энергоресурсов строилась на принципах **глобальной стратегии** и доктрине **“me first”**¹⁵. Китайские национальные нефтяные компании на конец 2010 г. участвовали в 200-х энергопроектах в более чем 50-ти странах на общую сумму инвестиций в 50 млрд.долл.¹⁶ Индия идет шаг за шагом вслед за Китаем. Но у Индии чуть меньшие цифры с энергобизнесом примерно в 40 странах. Еще в 2006 г. в Дели заявляли, что в ближайшие 10-15 лет Индия намерена вложить до 150 млрд.долл. в энергетический сектор. При этом, по словам министра нефти и газа Индии, где бы не появились индийские нефтяники, они повсюду натываются на китайский нефтяной бизнес.

События в ЮКМ развивались молниеносно и запутано. Развитие интриги началось в 2006 г., когда ONGC Videsh Limited (или OVL) подписала контракт с Petrovietnam о совместном исследовании секторов 127 и 128 в бассейне Нама Кон Сон, а чуть позже – сделки на сейсмическую разведку на этих участках, которые позже оказались в центре спора между Индией, Вьетнамом и Китаем. Китайские власти сочли, что Индия пытается затронуть интересы в его зоне влияния¹⁷.

Однако, согласно Морской конвенции ООН 1982 г., участки находятся на вьетнамском континентальном шельфе и во вьетнамской ЭЭЗ. Официальный представитель Индии Вишну Пракаш в ответ на подобную реакцию Пекина сделал заявление о том, что индийское сотрудничество его страны с Вьетнамом или любым другим государством в данной области всегда соответствует международным нормам и правилам¹⁸.

Искрой для разжигания костра дальнейшего соперничества послужил инцидент в середине июля 2011 г. вокруг индийского корабля «Эрават». Он возвращался после визита «доброй воли» из Вьетнама и находился во вьетнамских водах в 45-49 км от берега, т.е. в его ЭЭЗ, был задержан и, по некоторым источникам, даже обстрелян китайскими патрульными катерами. Подобный же случай повторился спустя 11 месяцев

с направлявшимся из Филиппин в Южную Корею фрегатом ВМФ Индии «Шивалик» по той же схеме¹⁹.

В сентябре 2011 г. Министр иностранных дел Индии в ходе визита в Ханой объявил о решении Индии продолжить поиски индийской нефтегазовой компанией (ONGC) на блоках 127 и 128. В октябре 2011 г. Индия подписала повторное соглашение с Вьетнамом, который, кстати, имеет подобные партнерские соглашения с 60 компаниями разных стран.

Китайская сторона в ноябре того же года ответила на этот акт требованием о необходимости получения индийскими компаниями разрешения Пекина на разработку спорных участков, поскольку посчитала соглашение нелегальным и нарушающим китайский суверенитет в этих водных пространствах ЮКМ, объявив 80% их своими.

Одновременно началось противостояние кораблей Ханоя и Пекина, информационная война, обе стороны провели учения со стрельбами в спорных участках, ужесточились также позиции КНР и произошли стычки с Филиппинами в ЮКМ и Японией в ВКМ по другим территориальным спорам. В регионе вспыхнула «война географических переименований» близлежащих морей. Все это в целом шло вразрез с общими региональными интересами и интересами США.

Руководители Индии проигнорировали демарш Китая и решили продолжать разведку в ЮКМ на предоставленных участках в соответствии с принципами своей морской стратегии 2007 г. и общепринятого международного морского права на доступ к ресурсам. По существу, развивающаяся ситуация вела к актам «холодной войны» между участниками спора, которые могли бы дестабилизировать обстановку и в ЮКМ, и в АТР.

Но в мае 2012 г. заместитель министра нефти и газа Р.П.Н. Сингх заявил в индийском Парламенте о выходе ONGC из проекта на участке 127 по причине его экономической нецелесообразности (шахта оказалась сухой). В июне того же года Вьетнам продлил период разведки на блоке 128 и предложил совместное изучение, на что Индия дала свое согласие. Такое решение Вьетнама могло означать понимание важности присутствия Индии в ЮКМ для стратегического баланса в условиях, когда китайская Национальная офшорная нефтяная компания (CNOOC) инициировала предоставление 9 блоков для иностранной разведки в водах Вьетнама, поскольку считала их своими. Начиная с 2015 г. Пекин запланировал добывать с месторождений в ЮКМ 15 млрд. кубометров газа ежегодно. К 2020 г. добыча эквивалента нефти в глубоководном районе на уровне в 3 000 м может достичь 1 млн. барр. в день²⁰.

К середине 2012 г. Индия уже вложила в разведку блока 128 около 50 млн. долл. После повторного совместного обследования стороны обнаружили, что и этот блок не столь перспективен из-за особо твердого

дна, и продолжать дорогостоящий проект не стоит. Кроме того, ONGC должна выплатить вьетнамской компании при выходе из совместного проекта еще 15 млн.долл.²¹

Индия, хотя не прямой участник спора, но косвенно подогрела новый этап давно и вяло текущего противостояния Пекина и Ханоя. В особо острые моменты адмирал Девендра Кумар Джоши дважды заявлял о готовности Индии направить военные корабли в ЮКМ для защиты индийских энергетических интересов и специалистов, работающих на месторождении в бассейне Нам Кон Сон.

В ответ Китай предоставил властям провинции Хайнань законодательное право с 1 января 2013 г. на обязательный досмотр иностранных кораблей при появлении в тех водах ЮКМ, которые Пекин считает достаточно произвольно своей принадлежностью. Они могли требовать также смены курса судов. Вашингтон осудил планы о досмотре иностранных судов в ЮКМ. Филиппины и Сингапур объявили эти намерения Китая незаконными.

Уход Индии из вьетнамских нефтяных участков вызвал разочарование Вьетнама. Некоторые независимые аналитики посчитали его примером неуместной дипломатии в сложной ситуации в ЮКМ, которая может негативно сказаться и на внешнеполитическом курсе Индии, нацеленном на Восток. Одновременно выход Индии из указанных проектов и по существу из разгорающегося территориального спора развязал дискуссию между индийским эшелоном власти и экспертами в деловых кругах, которые призывали к возвращению индийского бизнеса в ЮКМ.

Индия не ушла из ЮКМ. Просчитав все «за» и «против», Дели сделал поистине гроссмейстерский ход, вспомнив о том, что в 1988 г. OVL подписала контракт на исследование газовых месторождений в блоке 06.1 также у берегов Вьетнама, вблизи района Натуна. В сложившейся ситуации Индия приняла решение продолжить здесь разведку. Существенно, что блок не находится в спорной зоне.

По информации газеты «Хиндустан Таймс» от 15 мая 2013 г., индийская компания намерена вложить 145,94 млн. долл. в разведку на блоке 06.1, несмотря на неудовольствие Китая по поводу новых планов Дели продолжить сотрудничество с Вьетнамом в сфере энергетики. Особо подчеркивалось, что проект не имеет никакой политико-стратегической подоплеки, а нацелен на увеличение доли OVL в разработке участка. Стремясь использовать, может быть, и не столь выгодный шанс на деловое возвращение в ЮКМ, индийское руководство тактически грамотно разыграло карту в ЮКМ, сбросив спорный участок и стратегически разумно развязав руки на дальнейшее движение в АТР. И не прогадало.

Гибкий маневр Индии не затронул и сохранил на прежнем уровне стратегическое партнерство с Вьетнамом в условиях столь деликатной геополитической игры в ЮКМ. Ханой – давний и верный союзник Индии, с которой его связывают тесные военно-стратегические узы. Ханой предоставил Индии, первой из иностранных государств, доступ к стратегически ключевой базе в Камрани и портам в Нха Транге и Холонге. Столь же успешно развиваются экономические взаимосвязи – существуют планы увеличения торгового оборота с 6,1 млрд.долл. за 2012-2013 гг. до более 7 млрд.долл. к 2015 г. Вьетнам приветствует желание Индии участвовать в проектах по производству сельскохозяйственной и металлургической продукции, в IT, рыболовстве и т.п. В 2013 г. индийская компания «Tata Power» выиграла крупный тендер на разработку гидротермального проекта на сумму в 1,6 млрд.долл. в провинции Сок Транг на юге страны, опередив сильных конкурентов из Южной Кореи и РФ²².

Некоторые аспекты сотрудничества/соперничества Индии и Китая. Неожиданный разворот

На таком фоне нарастания напряженности между несколькими участниками территориальных разногласий в ЮКМ достаточно неожиданно произошел разворот на 180 градусов в позициях Пекина и Дели. 18 июня 2012 г. было подписано соглашения между индийской и китайской нефтяными компаниями о совместных поисках ресурсов в третьих странах. По существу, оно не только обновляет действовавшее подобное соглашение 2006 г., но расширяет его до формата сотрудничества в переработке нефти и газа, строительстве и управлении трубопроводами²³. Некоторые эксперты оценивают такой сдвиг в позициях Индии и Китая поисками компромисса в их энергетических интересах, обремененных взаимными трениями и претензиями, с тем чтобы и общими усилиями, и финансово, и экспертизой противостоять растущим нефтегазовым аппетитам западных держав.

Опыт сотрудничества был наработан, когда после нескольких неудачных попыток Индии опередить Китай в Анголе, Мьянме, Эквадоре и Казахстане в приобретении и последующей разработке нефтяных месторождений, индийская ONGC и китайская CNPC вместе приобрели в январе 2006 г. достаточно крупное предприятие в Сирии по добыче нефти в аль-Фурате за 573 млн. долл. Вслед за этим и состоялось подписание соглашения 2006 г. Кроме того, обе компании совместно разрабатывали Мугладский бассейн в Судане и строили 940-мильный нефтепровод до Порта Судан на берегу Красного моря²⁴, хотя работы иногда прерывались из-за вспышек военных действий между Севером и Югом. Обе стороны инициировали возведение от мьянмского берега Бенгаль-

ского залива вглубь до юго-запада Китая газопровода, которое должно завершиться к концу 2013 г.

Надо признать, что китайцы не особенно торопились расширить сотрудничество за счет каких-либо новых месторождений и видят в нем скорее возможность наблюдения за проектами Индии на нефтегазовых промыслах. Индийская сторона призывает к увеличению числа совместных разработок и сетует на то, что ей зачастую достаются менее выгодные участки (например, в Мьянме и др.).

Касаясь в основном старых районов совместной добычи (Судан, Сирия и др.), соглашение 2012 г., по всей видимости, имеет хорошие перспективы – в нем заложены планы налаживания обмена более широкой информацией, а в будущем и технологиями и т.п.²⁵

На наш взгляд, такой крутой поворот необходимо рассматривать в более широком контексте хрупких и крайне сложных индийско-китайских отношений, для которых характерны и стремление к сотрудничеству, и взаимные упреки, и недостаток доверия. Например, несмотря на 15-й раунд пограничных индийско-китайских переговоров, сохраняются претензии и нередко случаются в регионе взрывы напряженности. Так, 23 апреля 2013 г. официальные представители Индии выступили с заявлением против установления Китаем нового военного поста на спорном участке в Гималаях. В индоокеанской зоне Китай сумел укрепить свои позиции с помощью стратегии «нить жемчуга» или опорных пунктов в дружественных странах (Мьянма, Бангладеш, Шри-Ланка, Иран, Пакистан и др.) и продолжает строить планы дальнейшего расширения сети причалов и портов на восточном побережье Африки, а также в Йемене, играющем важную стратегическую роль в районе Аденского залива. Если на Сейшелах Китаю удалось в 2012 г. подписать соглашение об установлении базы, то в Йемене планы провалились: США, молниеносно воспользовавшись возникшей дестабилизацией в стране, переиграли Пекин и не дали ему закрепиться в этой стране.

Ныне широко и настойчиво дискутируется тема конверсии модернизированного китайскими усилиями пакистанского порта Гвадар, занимающего стратегически важную позицию в Ормузе (через него проходят самые крупные нефтепотоки в СВА, в Европу и США), в военную базу Пекина. По свидетельству СМИ, вроде бы уже ведутся подготовительные работы. В феврале 2013 г. стало известно, что пакистанская сторона, недовольная шестилетней работой сингапурской фирмы, передала порт в управление китайской государственной компании – Chinese Overseas Port Holding. В Гвадаре китайские танкеры будут нефть разгружать и далее перекачивать по трубопроводу или автоцистернами доставлять в западный Китай по территории Пакистана и стран ЦА. В таком случае подобные возможности Гвадара помогут ослабить остроту «Малаккской дилеммы». А дополнительно расширив опорный пункт на

Шри-Ланке в Хамбантоте, Пекин создаст некоторую защиту путей нефтяных поставок в индоокеанской зоне до Поднебесной.

Вполне обосновано такие негативные подвижки в бассейне Индийского океана вызывают в Дели настороженность и требования со стороны некоторых высокопоставленных военных и политиков на проведение адекватных активных мер не только в Индийском океане, но и в ЮКМ, которые оцениваются как асимметричные. Неслучайно в варианте морской стратегии Индии 2007 г. значимость ЮКМ и Малаккского пролива для безопасности Индии была поднята на более высокий уровень – лишь строкой ниже акватории Индийского океана. А «Морская стратегия – 2009», принятая после жестокого теракта в Мумбаи в декабре 2008 г., недвусмысленно объявляет о включении ЮКМ в сферу национальных интересов Индии.

В кругах военно-морских экспертов и политической элиты широко дебатруется, с одной стороны, вопрос о стремлении «мягкого ухода» из ЮКМ, а с другой – возможность прибегнуть к концепции «железной цепи», состоящей из 572-х индийских островов в Бенгальском заливе – Андаманских, Никобарских и др. Здесь созданы несколько опорных пунктов, военно-воздушных баз (в том числе для беспилотников) и крупная военно-морская – в Порт Блэре в заливе Кэмпбелл. Здесь расположен штаб Дальневосточных ВМС Индии. Все военные пункты могут быть использованы для блокировки Малаккского пролива. Не случайно главнокомандующий ВМФ страны назвал их важнейшим «окном» Индии в ЮВА и ВА.

Вместе с тем, следует принимать во внимание несколько существенных для Дели факторов конструктивного содержания:

- прагматические расчеты между нежеланием потерять выгоду от растущей торговли (около 75 млрд.долл. в 2012 г.) с Китаем (как и в точках позитивного соприкосновения по ряду глобальных проблем) и не до конца разведанными, не столь многообещающими, как оказалось, нефтяными запасами, по крайней мере, на предоставленных Индии блоках 127 и 128. В итоге Индия вышла из спорных участков, но не ушла из ЮКМ.

- некоторое улучшение индийско-китайских отношений по разным направлениям: 1) возобновление военного сотрудничества, которое в последние годы неоднократно прерывалось по малозначимым причинам. Однако в 2012 г. состоялся важный визит министра обороны Китая в Дели; 2) рост взаимной торговли, которую решено довести к 2015 г. до 100 млрд.долл., несмотря на значительный крен в 27 млрд. в 2011 г. и 33 млрд.долл. в 2012 г. в торговом балансе в пользу Китая²⁶; 3) явное оживление деловых отношений – в декабре 2011 г. была подписана первая значительная сделка (доля в объеме 49%) крупной индийской компании Infrastructure Leasing and Financial Services Limited (IL&FS) с госпред-

приятием Китая на сумму в 150 млн.долл. и др.; 4) регулярный обмен визитами руководства двух стран. Так, в ходе майского визита премьера Госсовета Ли Кэцзяна в Дели в 2013 г. были подписаны несколько меморандумов по экономическим вопросам, гидрологии, ирригации и культуре; 5) не в первый раз обсуждалась проблема строительства Китаем высотной плотины и серии дамб в верховье Брахмапутры, которое может отразиться на водных ресурсах северо-восточных штатов Индии²⁷.

- для Индии важна ее роль «swing state» (государства-маятника, по определению разработчиков Доклада ЦРУ – 2005) и готовность выступать в качестве балансира. Это дает ей возможность более гибко маневрировать при решении некоторых конфликтных ситуаций в целях защиты национальных интересов и расширения зон влияния или в непростых отношениях с тем же Китаем, ухудшения которых и Индия, и Китай отнюдь не желали бы. Историей и географией им суждено жить рядом, по соседству, но когда-то дружить, а иногда и ссориться.

«Большая игра» вокруг стратегии или энергоресурсов?

Наряду с двусторонними подвижками на отдельных векторах индийско-китайских взаимоотношений, следует учитывать факторы более крупной глобальной игры в стратегии и сфере энергетических ресурсов. В ее ходе США, с одной стороны, пытаются выстроить единый антикитайский фронт. По мнению известного эксперта по безопасности, американского профессора М.Т. Клэра, автора вышедшей в 2012 г. книги «Нефть и кровь», смысл стратегии администрации Б. Обамы не только и не столько в борьбе против терроризма, сколько в сдерживании экономического подъема Китая и в ограничении его доступа к Мировому океану и важнейшим SLOCs (Sea Lanes Communications)²⁸.

Вашингтон опирается традиционно на союзников – Японию, Южную Корею и Австралию, а ныне явно фокусируется на многосторонней дипломатии, взяв под свое крыло Филиппины. Похоже, у него есть намерение в дальнейшем присоединить к фронту Вьетнам и Индонезию. Специфическую роль Вашингтон отводит Индии, намереваясь использовать ее геостратегические и политические преимущества в качестве механизма «сдерживания» Китая и широкого контроля над нефтяными потоками в Поднебесную, проходящими через Индийский океан и ЮКМ. Вашингтону выгодны как ряд индийско-китайских шероховатостей и трудно решаемых проблем в их отношениях, так и растущий военный потенциал Индии – современные ВС, 5-й флот в мире, наличие военных баз на западном и восточном побережье, опыт в антитеррористической борьбе и т.д.

Позже в одном из интервью М.Т. Клэр дал более жесткую оценку стратегии американской администрации: обеспечивая себе в индо-тихоокеанском регионе военно-морское превосходство, Вашингтон

нацелился на обретение в XXI веке эквивалента того, что в XX веке называлось ядерным шантажом. Если будут затронуты американские интересы, США поставят китайскую экономику на колени, перекрыв жизненно важные нефтяные потоки²⁹.

А может ли Пентагон осуществить задуманное в одиночку в условиях, когда США переживают ныне не лучшие времена: идет снижение влияния американского флота и численности его кораблей; под вопросом надежда на быстрый выход из экономического кризиса; продолжается некоторое ослабление международного престижа и роли этой супердержавы и т.п.

В меняющихся условиях в мире и АТР американская администрация вынуждена была объявить о переходе к многостороннему сотрудничеству, в том числе и на море. Разработанная в стенах Пентагона Председателем Объединенного комитета начальников штабов адмиралом Майклом Малленом и получившая название «Глобальной морской сети», а чуть позже «Глобального морского партнерства» стратегия предусматривала не драматический рост американского ВМФ, а объединение его 300 кораблей с 700 кораблями союзников и сочувствующих стран и повышение востребованности военных и военно-морских баз в регионе (Индии, Вьетнама, Филиппин и др.).

Озабоченность США сдвигами на море нашла подтверждение в вышедшей в конце 2010 г. книге двух известных и ведущих экспертов Морского колледжа в Вашингтоне Тоши Йошихары и Джеймса Холмса «Красная звезда над Тихим океаном. Китайский взлет и изменения морской стратегии США», в которой подробно анализируются последние достижения Пекина в строительстве ВМС с целью стать великой морской державой № 1 и ответ на них Вашингтона³⁰.

А с другой стороны, США стремились оттеснить Китай от источников ресурсов в зоне «арабской весны» (Ливии, Судана, Египта и т.п.) или создать схожие проблемы в других регионах мира (в том же ЮКМ и др.). По мнению ряда политологов, за первоначальными замыслами Вашингтона привнести в регион «демократию», свергнув «авторитарных лидеров», скрывались планы использовать развернувшуюся «арабскую весну» в собственных интересах и вытеснить Китай и Россию из Средиземноморья.

Несколько примеров. Так, в Ливии на начало кризиса на Китай приходилось 11% нефтяного экспорта, а китайские компании реализовывали контракты на общую сумму в 18,8 млрд.долл. После НАТОвских военных операций Китаю пришлось свернуть 50 крупных проектов и эвакуировать свыше 30 тыс. китайских специалистов, работавших преимущественно на нефтяных предприятиях. Китай также оставил здесь незавершенными 2 проекта в металлургии и понес значительные потери

– до 16 млрд.долл., вложенных в железнодорожное и гражданское строительство и другие отрасли³¹.

В Египте у Китая не было столь же крупных проектов. Но в 2010 г. он объявил о создании китайской Свободной экономической зоны (СЭЗ) в районе Суэца с объемом инвестиций в 1,5 млрд.долл. Одной из целей ее создания было стремление подобраться как можно ближе к Суэцкому каналу и повторить удачно апробированную схему приобретения концессий на использование Панамского канала, который по мере медленного, но настойчивого внедрения в регион оказался с 2000 г. в руках китайцев. Волны «революционных» событий в Египте их напугали – уже к концу 2012 г. инвестиции не дотягивали и до 1 млрд.долл.

Неслучайно, что еще в 2011 г. ведущий советник Народного банка Китая Ли Даокуй назвал затяжной политический кризис на Ближнем Востоке, как и соответствующее подорожание нефти, «наихудшим сценарием» для экономики Китая. Вместе с тем Китай, похоже, опасался, что попытки слишком активной поддержки революций в арабских странах могут негативно повлиять на его отношения с нефтегазовыми государствами Залива, которые являются его главными источниками энергоносителей.

Раздел в Судане и бесконечные конфликты между Югом и Севером, в том числе в Дарфуре, делали будущую судьбу 15 млрд.долл. китайских вложений в нефтепромыслы и другие отрасли, как и совместные с Индией нефтеразработки и строительство нефтепровода, довольно туманными. А между тем в Поднебесную поступало 6-7% импорта нефти из этой страны³².

В Сирии в 2004 г. Китай создал совместное предприятие по добычи нефти, расширял торговые связи, но столь же значительных интересов и инвестиций у него не было, если не забывать об индийско-китайском сотрудничестве в разведке и нефтедобычи в аль-Фурате. Что касается еще одного важного для китайской энергетической безопасности региона – Каспийского, то, по мнению американского эксперта Р. Каплана, и здесь позиции у Китая могут быть не такими прочными, как хотелось бы. Пекину, возможно, предстоит опасаться «финляндизации» прикаспийских государств, которую «в случае чего» не смогут стабилизировать и США³³.

Из вышеизложенного становится понятной нынешняя, особо острая фокусировка интересов Пекина на ЮКМ, которое, однако, является не главным источником энергоресурсов для Китая. Но китайцы, как известно, предпочитают смотреть на 20 лет вперед: ЮКМ чрезвычайно важно для Пекина в **стратегическом** отношении. На море Китай, который издавна считался континентальной империей, всегда сталкивался с более враждебным окружением, чем на суше.

Для страны крайне сложной зоной была так называемая «первая гряда», состоящая из нескольких проблемных узлов – Корейский полуостров, протяженный японский архипелаг, Тайвань, Филиппины и т.д. Каждый из них может быть районом напряженности. По мнению упомянутых выше Т. Йошихары и Дж. Холмса, эту гряду можно рассматривать и как нечто вроде «Великой китайской стены» на море, развернутой, однако, против Китая, и как рубеж обороны, выстроенный из союзников США – Южной Кореи, Японии, Тайваня и др.

Понимая высокую степень сложности преодоления «первой гряды» в условиях возрастающей зависимости от поставок энергоресурсов, товаров и минералов, китайские военные разработали свою стратегию двух «островных гряд (цепей)», нацеленной на поэтапное освоение морских пространств и установление военного присутствия сначала в пределах первой гряды (японский архипелаг, Южная Корея, Тайвань, Филиппины). В зоне второй гряды, тянущейся от Японии через океанский желоб Идзу-Огасавара, охватывающую Индонезию, Каролинские и Марианские острова с о. Гуам и включающую часть ВКМ и некоторые проливы, Пекин рассчитывает иметь свой флот к 2020 гг. Некоторые эксперты выдвигали идею «третьей гряды», в центре которой находится Гавайский архипелаг с многочисленными военно-воздушными и морскими базами. Ее реализация планировалась на 2020-2050 гг. Все предлагаемые концепции строились из главной стратегической задачи – отодвинуть линию обороны страны на сотни миль в море и не оказаться запертой силами ее недругов.

Нетрудно увидеть, что и «две гряды», и «три гряды» во многом совпадали с концепцией передовых рубежей обороны США и их союзников на изломе века, т.е. «сдерживания» Китая.

При создании Вашингтоном совместно с союзниками антикитайского фронта второго десятилетия XXI века у окрепшего флота Китая окажется лишь несколько коридоров для выхода в Тихий и Мировой океаны. В силу заметных негативных сдвигов в ситуации в ЮКМ и у берегов Поднебесной стратегические факторы в китайском курсе выходят на передний план. Китай пытается заполучить как можно больше островов и контролировать как можно шире близлежащие моря как части механизма его Большой стратегии, направленной против доктрины США «перекрытия доступа» к Китаю или «перекрытия его выхода» в Мировой океан.

В этих условиях Вашингтон, по-видимому, будет педалировать опасения некоторых стран АСЕАН, вызванных агрессивностью и настойчивостью в расширении зоны контроля Пекина в ЮКМ, чтобы найти дополнительные рычаги сближения с ними. Напомним, что его позиции по ЮКМ претерпели заметную эволюцию. Как и Япония, США были заинтересованы в свободе и безопасности судоходства через Ма-

лаккский пролив и ЮК-ВК моря, но довольно долго демонстрировали нейтралитет и не выступали открыто в качестве арбитра в споре за острова.

Однако в начале лета 2009 г. группа конгрессменов США публично вмешалась в этот спор в пользу отдельных членов АСЕАН и призвала к большему вниманию со стороны Пентагона к развитию ситуации в регионе. Здесь, по их убеждению, идет нарастание напряженности, порождаемой, в том числе и быстрым ростом китайского ВМФ, который может стать со временем серьезным противовесом господству американского флота в бассейне Тихого океана³⁴.

По мере обострения противостояния Китая и Вьетнама, а также Филиппин в ЮКМ, Китая и Японии в ВКМ, период, когда до 2009 г. США избегали позиционирования своей вовлеченности и формулирования собственной позиции, завершился. Американское руководство заявило на саммите АРФ в Ханое в 2010 г. о намерении следовать конструктивному дипломатическому процессу урегулирования территориальных споров без какого-либо принуждения, исходя из того, что законные притязания на части ЮКМ должны обосновываться конфигурацией сухопутных территорий. Озвученная впервые позиция США противоречила как притязаниям Китая почти на всю акваторию (до 80%) ЮКМ, так и его стремлению не допустить интернационализацию споров. Между тем, в целом она была позитивно встречена странами АСЕАН.

Индия уже высказывалась за подобное предложение – еще в 2010 г. на саммите АРФ Индия была среди 12 из 27 участников, которые поддержали позицию США по многостороннему подходу к решению спора в ЮКМ. После указанного выше первого столкновения в ЮКМ индийского корабля Индия вновь подтвердила свою твердую приверженность свободе судоходства в регионе в конце июля 2011 г. в выступлении Генерального секретаря по иностранным делам, госпожи Нирупамы Рао в Национальном морском фонде в Дели.

В складывающихся сложных и противоречивых обстоятельствах в ЮКМ, Индия, с одной стороны, выступает за принятие нового Кодекса поведения в ЮКМ, разговоры о котором ведутся, с ее точки зрения, однако, вяло и достаточно долго – с 2002 г., т.е., по существу, с момента принятия известной Декларации о поведении сторон. С другой стороны, Индия пока не поддерживала ни одну из спорящих сторон. Однако, 20 мая 2013 г., по информации газеты «Indian Express», индийский премьер-министр М. Сингх сделал заявление об отказе Индии учитывать позицию Китая по спорным островам Наньша (Спратли), Сиша (Парасельские) и Чжуша, поскольку считает их находящимися в международных водах.

Вызовы Китая. Ответы АСЕАН и США. Позиция Индии

Со своей стороны Пекин признает их расположенными в его ЭЭЗ (площадью в 3 млн.кв.км). Пекинские власти включили акваторию ЮКМ в число районов «ключевых национальных интересов», таких как Тайвань, Тибет, Синьцзян³⁵. В июне 2012 г. решением Госсовета КНР был установлен на захваченном еще в 1974 г. у Южного Вьетнама острове Лесистый из цепи Парасельских островов административный центр под названием «Санша сити» (Sansha City). Именно этот остров, занимающий чрезвычайно важное стратегическое положение на стратегических путях в ВА, Пекин намерен сделать главной опорой в продвижении далее и укреплении в регионе. 23 июля 2012 г. Центральный военный комитет НОА Китая объявил о планах размещения небольших гарнизонов на большинстве тех островов, на которые он претендует. Китайские власти стали всячески поощрять развитие деловых и познавательных поездок на острова и т.п.

Эти, возможно, не столь крупные, но заметные меры Пекина по освоению новых пространств ЮКМ, тем не менее, сразу нашли отражение в работах западных политологов в виде таких остроумных концепций, как “salami slices” Роберта Хэндрика и “cabbages” Дж. Холмса. И тот, и другой верно определили постепенное, пошаговое наступление Китая в ЮКМ, используя «мягкую», а где-то «твердую», но пока в достаточно завуалированной форме силу³⁶.

Спустя год китайское издательство «Жэньминь чубаньша» («Народ») выпустило книгу с многочисленными картами и статистикой о самом молодом городе в Китае. Ныне это второй город окружного уровня, который состоит исключительно из морских островов. Китайские власти не ограничились этими мерами, и им представляется необходимым реализовать и другие планы по отстаиванию своих территориальных претензий. Так, в ход был запущен огромный круизный лайнер с тысячами туристов для посещения спорных островов на регулярной основе³⁷.

Его устремление к плотному контролю в ЮКМ создаст огромные проблемы для многих государств не только в судоходстве. Индонезия и Австралия опасаются того, что Китай может использовать те же Спратли (здесь уже расположен гарнизон в 9 тыс. человек и к 2020 г. его численность возрастет до 20 тыс.) в качестве плацдарма не только для захвата газовых месторождений на индонезийском шельфе. Он удобен для Пекина и для рывка в Южную часть Тихого океана, где у него уже есть определенная база влияния (Фиджи, Папуа – Новая Гвинея и др.).

Китайская неуступчивость и напористость негативно воздействовали на обсуждение вопроса о спорных территориях в ЮКМ на Форуме АСЕАН в Пномпене в 2012 г., где впервые за 45 лет существования этой организации произошел раскол в позициях членов, и не было подписано

итоговое коммюнике. Изначально Вьетнам и Филиппины, как наиболее заинтересованные стороны, пытались выработать документ с едиными позициями членов группировки с тем, чтобы противостоять претензиям Китая. Между тем Камбоджа и Лаос, давно и тесно связанные с Китаем особыми узами дружбы, не присоединились к подготовленному документу.

Не означало ли это на тот момент, что Пекин сумел пошатнуть миф о коллективном единстве группировки? А на более отдаленный период – в СВА рождается новый баланс сил? Интересен вопрос и об основных последствиях и перспективах развития ситуации в регионе.

Если со вторым вопросом можно в целом согласиться, хотя и с некоторыми достаточно серьезными оговорками, поскольку ситуация не так проста, как может показаться с первого взгляда. Сформулировав принципы своего отношения к территориальным спорам в ЮКМ, а также объявленной в 2011 г. доктрины «Тихоокеанский век Америки», США не только поспешили «вернуться» в АТР, но и начали активно реанимировать старые военно-стратегические связи со своими союзниками и укреплять и расширять взаимодействия с Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией и др.

Центральное место в поисках каналов сближения Вашингтона с АСЕАН занял Вьетнам, который пошел с 2010 г. на нормализацию и заметное улучшение отношений с США, включая диалог между военными ведомствами на высшем уровне, разработку и реализацию программ подготовки кадров, совместные военные игры, обсуждение проблем ЮКМ, предоставление право захода американским кораблям в Камрань и т.п. Решение Ханоя об открытии Камрани для иностранных судов получило любопытную интерпретацию профессора К. Тейера из Университета Новый Южный Уэльс (Австралия), участника нескольких десятков симпозиумов и конференций по проблемам ЮКМ. Он посчитал его специальным ходом, привлечшим внимание флотов именно тех стран, которые стремятся удержать военно-морские амбиции Китая под контролем³⁸. База Камрань – важный **козырь** Вьетнама в его «игре» в ЮКМ. Как он будет разыгрываться руководством страны – покажет время.

В том же духе действовали США с Филиппинами, другим ближайшим соседом Китая в акватории ЮКМ. На пике спора Манилы с Пекином в первой половине 2011 г. Вашингтон подал ясный сигнал о готовности оказать помощь Филиппинам по разным направлениям: в выступлениях об их поддержке на саммитах АСЕАН, продаже берегового катера класса «Хамилтон» и обещании предоставить еще один, совместных маневрах и обучении американскими советниками военных кадров и т.п. В текущем году стало известно о решении сторон создать две военные базы на филиппинской территории³⁹.

В тоже время активизация США в регионе, сближение также с Индонезией, Малайзией и другими странами вынуждали руководство АСЕАН сделать трудный выбор – что делать и с кем быть? С одной стороны, для многих из них Китай на протяжении десятилетий был важным торгово-экономическим партнером, который значительно способствовал их экономическому подъему через широкий спектр сотрудничества. Вместе с тем слабая в военном отношении группировка опасалась как возрастающих амбиций Пекина и его притязаний почти на все ЮКМ, так и превышения пределов военной и иной вовлеченности США в регион. АСЕАН отчетливо осознает, что даже коллективно не сможет противостоять натиску ни Китая, ни какой-либо крупной державы. Судя по всему, асеановцы хотели бы придерживаться сакрайне осторожной нейтральной линии между гигантами – Китаем и США, сохраняя по мере возможности единство своих рядов, что, как видно, оказалось довольно узким местом в их попытках сохранить определенную меру «мягкого балансирования».

При ответе на первый вопрос выяснилось, однако, что надежды Пекина на раскол традиционного консенсуса в АСЕАН оказались под сомнением. И, как бы то ни было, переговорный механизм реально работал и работает на встречах АСЕАН, АРФ и др. Более того, еще летом 2011 г. на саммите АРФ был принят первый совместный с Китаем документ «Директивы по выполнению Декларации 2002 г.». Известно, что подписанная в 2002 г. между Китаем и АСЕАН Декларация должна регулировать политику стран, претендующих на спорные территории в ЮКМ. Одним из положений этого важного документа предусматривалась выработка соответствующего Кодекса поведения, который должен был определить окончательные параметры урегулирования территориальных споров в ЮКМ.

На встрече «Диалог Шангри-ла» в 2012 г. в Сингапуре ключевым посылом в выступлениях съехавшихся делегатов многократно звучала необходимость поисков общих интересов («global commons»), свободы открытого моря, безопасности и стабильности в ЮВА и окружающих морях.

В преддверии саммита АСЕАН в Брунее в конце апреля 2013 г. высокопоставленные дипломаты из стран-участниц группировки неоднократно подчеркивали, что именно на достижение консенсуса внутри организации в отношении спорных территорий в ЮКМ следует направить основные усилия. Эта тема стала центральной в столице Брунея Бандар-Сери-Бегаване, где было решено срочно разработать единую платформу, прежде чем сесть за стол дальнейших переговоров в августе 2013 г. с участием Китая по проекту Кодекса поведения с тем, чтобы разрядить достаточно напряженную обстановку в регионе. Инициативу

поддержали и султан Брунея Хассанал Болкиах, и президент Филиппин Бенинго Акино, и премьер Таиланда, и др.

Несмотря ни на что, поиски совпадения точек зрения продолжились. В мае 2013 г. в Сингапуре состоялась 12-я международная конференция «Диалог Шангри-ла» по вопросам безопасности с участием министров обороны, ученых, политиков из более 20 стран. В июне 2013 г. в Ханое по инициативе Вьетнама на трехдневном совещании главнокомандующие флотов стран АСЕАН обсудили меры по укреплению военно-морского сотрудничества.

Но если АСЕАН пыталась добиться скорейшего утверждения указанного документа, придать ему более жесткий **обязывающий** для исполнения характер, то Пекин был намерен обсуждать его с заинтересованными сторонами по отдельности. Видимо, таким образом он надеялся вновь пошатнуть единство позиций асеановцев и попытаться склонить некоторых из них к своему варианту «правил игры» в ЮКМ.

И эта надежда оказалась безуспешной. 13 августа 2013 г. в курортном местечке Хуахин около Бангкока на неофициальной встрече министров иностранных дел стран-членов АСЕАН был достигнут консенсус о механизме решения территориальных споров в ЮКМ перед началом переговоров с Пекином в сентябре. Суть выработанной ими позиции состояла в том, что «Кодекс поведения в ЮКМ» должен стать инструментом укрепления доверия, предотвращения конфликтов и разрешения их в случае возникновения⁴⁰.

Что касается степени вовлеченности Индии в дела региона, то в целом асеановцы приветствуют ее роль “swing state” в качестве балансира курса Китая. Индия может играть и играет позитивную роль особенно тогда, когда ее интересы совпадают с интересами региональных акторов, но должна быть крайне осмотрительна в своих акциях, что и демонстрировало ее руководство.

Гонка вооружений или новый торговый блок?

Очевидно, что все заинтересованные стороны территориального спора в ЮКМ понимают отдаленность его решения, несмотря на их активизировавшиеся усилия и практические меры в поисках приемлемой модели. При этом нельзя не видеть некоторые негативные тренды, формирующиеся как последствия приобретающего все более конфликтные контуры спора. К их числу можно отнести перегруппировку интересов и позиций заинтересованных стран, ведущую к новому балансу сил в АТР, упоминавшийся миф о единстве АСЕАН, генерирование сближения Индии и Японии в военно-стратегическом плане и др.

Пожалуй, главный из них – это гонка вооружений в регионе. Безусловно, асеановцы много слабее в военном отношении своих соседей из СА или ведущих внерегиональных держав. Парадоксально, но на стра-

ны-участницы Шестисторонних переговоров по мирному решению ситуации на Корейском полуострове, к примеру, падает львиная доля военных расходов в мире.

Свое стремление к приобретению оружия большинство стран АСЕАН объясняют не только обстановкой в ЮК и ВК морях, но и необходимостью борьбы с пиратами, террористами, браконьерством в рыболовстве, незаконными перевозками наркотиков и ОМУ и т.п. По данным SIPRI, в 2011 г. расходы на оборону в ЮВА увеличились на 13,5% и составили 24,5 млрд.долл., а по прогнозам возрастут к 2016 г. до 40 млрд.долл. В 2011 г. оборонные бюджеты составили: крошечного государства-острова Сингапура – 9,66 млрд.долл.; Таиланда – 5,52 млрд.; Индонезии – 5,42 млрд.; Малайзии – 4,54 млрд.; Вьетнама – 2,66 млрд.долл. Филиппины, получая 90% оружия от США, планируют затратить свыше 1,8 млрд.долл. на модернизацию обороны в предстоящее пятилетие⁴¹.

SIPRI отмечал также подъем объема поставок вооружений в 2007-2011 гг. в страны ЮВА, который увеличился почти на 200% выше, чем в 2002-2006 гг. Это означает существенно более высокий рост по сравнению со среднемировым на 24%. Крупные партии вооружения следуют в Индонезию, Малайзию, Вьетнам и др. Сингапур занимает 4-е место в мире после Китая, Индии, Южной Кореи по расходам на импорт современного оружия. В 2012 г. эти расходы составили 24% национального бюджета и достигли 10 млрд.долл.⁴²

Большая часть закупок приходится по понятным причинам на морское вооружение – военные корабли, патрульные катера, радиолокационные системы, подлодки, противокорабельные ракеты и т.п. Вьетнам планирует ввести в строй к 2020 г. 6 подлодок (в основном российских). Сингапур, Индонезия и Малайзия рассчитывают дополнить свои подводные флотилии к этому сроку двумя подлодками⁴³.

Укрепить и поднять значимость АСЕАН как ведущей группировки в регионе могут инициированные ею новые поступательные интеграционные тренды, актуальные и важные для организации и вобретении былого единства, в частности, процесс реализации идеи создания Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП). Она была выдвинута в 2011 г. на саммите АСЕАН одним из самых энергичных ее сторонников и адептов – Малайзией и еще раз высветила возможность и способность группировки генерировать позитивные тенденции в АТР. Индия проявила не только явный интерес к этому проекту, но и сыграла положительную роль в его продвижении.

Его формирование находится на самой сложной фазе. С одной стороны, данная работа была завершена на $\frac{3}{4}$, как отмечалось в итоговом документе саммита в Брунее. Но для достижения этой чрезвычайно актуальной цели, по мнению экспертов, остается разгрести кучу про-

блем. Во-первых, участницы АСЕАН должны усилить внутриасеоановскую экономическую интеграцию. Во-вторых, они должны урегулировать существующие внутренние разногласия (в том числе, по-видимому, и по ЮКМ – *Н.Л.*). В третьих, им необходимо обеспечить устойчивый и равномерный рост каждой из стран. Как представляется, это трудно сделать в столь сжатые сроки в силу неравного уровня экономического развития и более позднего подключения к АСЕАН некоторых стран (Лаос, Камбоджа, Мьянма и др.)⁴⁴.

Не столь простым оказался вопрос о составе участников. В ходе первого раунда переговоров по ВРЭП в июне 2013 г. Китай, как и в случае с ВАС в 2005 г., вновь поставил под сомнение вопрос о целесообразности включения Индии в будущую организацию, видимо, памятуя о тех трениях, которые существуют между ними в ЮКМ и в более широком плане. Сумев завоевать поддержку большинства стран АСЕАН, Индия вошла в число членов блока. Второй раунд должен был состояться в сентябре 2013 г. в Австралии.

Участие Индии в будущей структуре важно для некоторых стран АСЕАН, находящихся в состоянии территориальных споров с Пекином в ЮКМ. Они рассматривают Индию в качестве серьезного партнера, выступающего за скорейшую разработку Кодекса поведения. Они позитивно восприняли заявление министра иностранных дел Индии Салмана Хуршида на саммите в Брунее о необходимости дальнейшей дискуссии по вопросу о принятии кодекса на основе консенсуса: «Мы выступаем против применения или угрозы применения силы. Мы твердо надеемся, что все участники спора в ЮКМ будут поддерживать Декларацию 2002 г. и работать совместно над кодексом, чтобы обеспечить мирное решение этого спора в соответствии с международным правом и Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г.»⁴⁵.

Таким образом, 16 стран ВАС намерены создать в АТР огромный торговый механизм (Regional Comprehensive Economic Partnership). Этот торговый блок многие аналитики рассматривают как противовес выдвинутому по инициативе США Транс-Тихоокеанскому партнерству (ТТП) или свободной зоне торговли в АТР с членством более 10 стран (но без участия азиатских экономических гигантов – Китая и Индии). ВРЭП призвано стать одним из крупнейших в мире торговых блоков, запуск которого запланирован к концу 2015 г. Блок будет представлять 1/3 глобальной экономики. На территории стран-участниц ВРЭП ныне проживает 3,3 млрд. человек⁴⁶.

По всей видимости, новый экономический проект придаст свежий импульс укреплению интеграционных трендов под эгидой АСЕАН в ВА, объединит организацию и ее партнеров на иной взаимовыгодной основе, приостановит процесс некоторого падения значимости группировки, создаст условия для смягчения общей ситуации. «Лучше торговать, чем

конфликтовать», что, вероятно, открыло бы шлюз для решения вопросов соперничества национальных суверенитетов и в ЮКМ.

Все это необходимо в условиях и некоторого осложнения атмосферы в ВАС в связи с привлечением в 2010 г. в структуру США и России, что сделало ее достаточно громоздкой, а интересы 18 членов трудно совместимыми. Хотя следует подчеркнуть, что когда тихоокеанское направление во внешней политике РФ стало заметно выходить на первый план после ее председательствования на саммите АТЭС во Владивостоке, российское участие в ВАС чрезвычайно важно и могло бы стать многообещающим для ее более активного подключения к АТР.

Возможности продвижения Индии в АТР

Индия, одной из ключевых целей продвижения в АТР которой является поиски тесной экономической интеграция с существующими и создаваемыми структурами сотрудничества, с ее динамично поднимающейся экономикой и растущим населением, безусловно, активно поддерживает планы создания нового блока – ВРЭП и не хочет упустить шансы найти и занять свою нишу в бурно развивающихся интеграционных процессах в регионе в целом. Она неоднократно на разных площадках (и в ВАС, и в АРФ, и др.) заявляла о своей приверженности принципам открытого регионализма, полицентризма и инклюзивности при создании многосторонних форматов сотрудничества. С точки зрения ее руководства, они достаточно гибки, чтобы охватить многообразие стран АТР, и наилучшим образом могут быть использованы для решения широкого круга существующих проблем в экономике, политике и стратегии и ответить вызовам будущего.

Внедрение Индии в ЮКМ, оказавшееся весьма сложным регионом со многими разнохарактерными проблемами и болезненными территориальными спорами, не остановило ее движение на пути в АТР, несмотря на то, что она оказалась в гуще событий. Разумно просчитав свои возможности и умело используя инновационность курса «Смотри на Восток», масштабного и эффективного компонента независимой и взвешенной внешней политики, Индия сумела преодолеть целый ряд препятствий и закрепиться в данном пространстве. Впереди на очереди поиски новых форматов сотрудничества по весьма широкому кругу направлений.

Одной из настоятельных проблем для Индии в данном контексте является ее вступление в АТЭС после затянувшегося ожидания с конца 90-х гг. минувшего века и неоднократно вводимых мораториев. Очередная встреча участников этой структуры сотрудничества 21 экономики состоялась в октябре нынешнего года на о. Бали. Здесь, по информации местных СМИ, полным ходом проведены подготовительные работы (строительство нового пятизвездочного отеля, реконструкция дорог и

т.д.), наподобие тех, но не таких широкомасштабных, которые наблюдались во Владивостоке перед сентябрьской встречей АТЭС в 2012 г. под председательством РФ. Саммит на Бали успешно состоялся, но вопрос об отказе от моратория на повестке дня не стоял и, по-видимому, возникнет лишь через несколько лет, возможно, в 2017 г.

Целесообразно и полезно представить некоторые статистические данные из интересного анализа, проделанного Ч.Е. Моррисоном, который опросил в 2007 г. около 400 респондентов из НГО, СМИ, правительственных кругов, бизнеса и академического сообщества. На вопрос эксперта «Должна ли Индия стать членом АТЭС?», были получены следующие положительные ответы: 66% из числа представителей Северной Америки, 62% - Северо-Восточной Азии, 67% - Южной Америки, 64% - ЮВА, 40% - Австралии и Новой Зеландии. Общий показатель – 62%⁴⁷. Существенную поддержку в пользу приема Индии в АТЭС неоднократно высказывали президенты США Б. Обама и РФ В.В. Путин, а также министр иностранных дел РФ С.В. Лавров.

При благоприятном решении вопроса Индия могла бы предложить АТЭС разнообразные наработки, товары и услуги в тех областях, где она добилась наиболее впечатляющих достижений мирового уровня – информационные технологии и программное обеспечение, космос, мирное использование ядерной энергии, электроника, производство спутников и огромных платформ для офшорной добычи нефти, фармацевтика, биотехнология, производство солнечной и ветряной энергии с применением нанотехнологий и т.п. Индия могла бы стать своеобразным образовательным центром в АТР, поскольку способна предложить высококачественное обучение студентов, при этом по более низкой цене по сравнению с США или Австралией.

Нельзя полагать, что участие в данном формате будет беспроblemным, особенно в начальный период «притирки». Опыт наведения мостов Индии с АСЕАН, группировкой меньшей по составу и масштабу, выявил сложности в процессе снижения торговых тарифов, расширения номенклатуры товаров, отработки договорно-правовой базы внешнеэкономических связей и т.п. Прошло время, и шероховатости между сторонами были большей частью преодолены. Однако представители некоторых стран-членов АТЭС все еще указывают на недостаточный уровень снижения тарифов и другие проблемы в торговых отношениях Индии, но это отдельная важная тема.

Вместе с тем, приверженность Индии принципам демократии, независимая внешняя политика, творческий подход к проблемам сотрудничества могут быть востребованными членами АТЭС. Индия хотела и могла бы принять участие в Шестисторонних переговорах по ситуации на Корейском полуострове. Индия уже продемонстрировала стремление решать спор в ЮКМ без применения силы, мирным путем, в соответ-

ствии с международными правилами и Морским кодексом ООН 1982 г. Как один из крупных и влиятельных конкурентов Китая, Индия может активизировать усилия в поисках большего взаимопонимания с асеановцами и выступить с новыми конструктивными предложениями по разным направлениям.

Спор в ЮКМ между тем генерировал сближение Индии с Японией и возможность формирования тройственного союза США-Япония-Индия, но без официальных обязательств последней. Вместе с Австралией она могла бы стать застрельщицей в укреплении мер доверия на флангах Индо-Тихоокеанского мегарегиона – Австралия на южном поясе Тихого океана, а Индия в зоне Индийского океана, большая часть которого ныне включена в новый формат.

У Индии есть немало шансов, чтобы, вступив в АТЭС, выйти на новый уровень взаимодействия со странами АТР и создать прочную основу для расширения своих позиций в наиболее динамично развивающемся регионе мира или, как его ныне называют, «Средиземноморье XXI века».

¹Saalman Lora, Between “China Threat Theory” and “Chindia”: Chinese Responses to India’s Military Modernization (cjip.oxfordjournals.org) 2011, V 4, N 1, p. 87-114; Greg Yellen, Holding the Tiger by its Tail. Chinese Maritime Expansion and the US “Hedge” Strategy in the Indian Ocean // The Monitor, Summer 2011; Subhash Kapila, The South China Sea Disputes: Strategic Implications and Perspectives on Conflict Resolution // Paper N 5480, South Asia Analysis Group, 03.05.2013; Singh Amit, South China Sea Dispute and India (maritimeindia.org.) may. 2011; Scott D. India’s Role in the SCS: Geopolitics and Geoeconomics in Play//India Review, vol. 12, N 2, 2013, etc.

²Лебедева Н.Б. Индия и АСЕАН (проблемы и перспективы взаимодействия на современном этапе) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XIII, ИВ РАН, М., 2009, с.29-48; она же – Индия и АСЕАН – особенности второй фазы курса «Смотри на Восток» и новая конфигурация в АТР, там же, выпуск XVIII, ИВ РАН, М., 2012, с. 67-97.

³Kondapalli S. A New Configuration to the East - www.gatewayhouse

⁴Альтернативный Сахалин, 18.10.2010; 08.12.2011 - www.respublika-kz.info

⁵РИА НОВОСТИ, 16.07.2013; там же 23.10.2013 - ria.ru

⁶Лебедева Н.Б. Курс Индии «Смотри на Восток» – итоги двадцатилетия и новые вызовы // «Индия: перспективы современного развития. Внутренние, региональные и глобальные аспекты», сб. ЦИИ, издание на CD, М., ИВ РАН, 2012, с. 377-407

⁷Ministry of External Affairs. Annual Report, 1 January 2003 – 31 March 2004, N.D., 2004, p. 38

⁸Scott D. India's "Extended Neighborhood" Concept // India Review, Vol. 8, N 2, 2009, p. 107 – 143

⁹International Institute for Strategic Studies. The Military Balance, Annual Report and SIPRI Arms Transfer Database - [http://www.globalsecurity.org](http://www.globalsecurity.org;); Lenta.ru - 14.06.2010, *ibid.*, 08.08. 2013

¹⁰www.Security-Law-Brief.com - 26.06.2013; news.ru.com - 10.07.2012

¹¹McDougall D. Asia-Pacific in World Politics // Lynne Rienner Publishes, 2007

¹²Pant H. India in Asia-Pacific: Rising Ambitions with an Eye on China // Asia-Pacific Review. 2007, Vol. 14, N 1, p. 54-71

¹³Ladwig III W.C. Delhi's Pacific Ambitions: Naval Power, "Look East Policy and India's Emerging Influence in the Asia-Pacific // Asian Security, 2009, Vol. 5, N 2, p. 87-113

¹⁴Индия намерена установить постоянное присутствие в ЮКМ - www.itar-tass.com/c/12/173826.html

¹⁵China's 'me first' doctrine // Washington Post, February 15, 2010 - http://articles.washingtonpost.com/2010-02-15/opinions/36901543_1_china-view-china-first-states-and-china

¹⁶China and India's Growing Energy Rivalry // Bloomberg Businessweek, December 16, 2010

¹⁷Airy A. "ONGC's Vietnam Foray illegal – says China" // Indian Express, December 3, 2007

¹⁸Singh Teshu. The Curious Case of India's Withdrawal from the South China Sea // ISN, 19.06.2012 - www.isn.eth.ch

¹⁹25.06.2012 - www.dhaindia.com

²⁰Sing Teshu, *ibid.*

²¹The Journal of East Asian Affairs, Vol. 26, N 2, Fall/Winter 2012, p.63

²²11.07.2013 - zeenews.india.com

²³ONGC, CNPC sign agreement to jointly explore oil and gas // The Economic Times, 19 June 2012

²⁴The Financial Times, 11.03.2007

²⁵Rakesh Sharma. India, China to Explore Energy Assets // Deal Journal, India, June 19, 2012

²⁶Hindu, 07.06.2012; Weekly Economic Review, N518, April 24-30. 2013

²⁷Китай, США: соотношение сил меняется, 25.05.2013 - www.webeconomy.ru

²⁸см. Klare M.T. Oil and Blood. Hampshire College Press, 2012

²⁹European Energy Review, 18.05.2013

³⁰Национальная оборона, № 6, июнь 2013

³¹Китай и арабские революции, 15.09.2012 - m.forbes.ru

- ³²xpressa.ru/transiates/3379>peresmatrivaya-nezavisimost-indii.html
- ³³Special Interview: Increased Military Presence in South China Sea, 14.01.2013 - www.nanhai.org.cn
- ³⁴www.fonds.ru>pview-2010/10/19-0-juane-dollare-i-kto-budet-pravit-mirom-667
- ³⁵South China Sea Dispute and India, may, 2011 - maritimeindia.org
- ³⁶Foreign Policy, August 3, 2012
- ³⁷Китайский город Саньша - russian.people.com.cn
- ³⁸15.02.201 - nuclearno.ru
- ³⁹The Journal of East Asian Affairs, Vol. 26, N 2, Fall/Winter 2012, p.71.
- ⁴⁰2013-08-14 - russian.news.cn
- ⁴¹08.10.2012 - newsstreet.ru
- ⁴²www.sipri.org>yearbook/2012/files/iezhiagodnika-sipri-2012, p.308.
- ⁴³15.02.2011 - nuclearno.ru
- ⁴⁴08.05.2013 - <http://www.rodon.org>
- ⁴⁵08.07.2013 - news-russ.ru
- ⁴⁶08.05.2013 - <http://www.rodon.ru>
- ⁴⁷[www.apec.org.au - docs/06_PrelimConf/1.2_CMorrison\(ppt\).pdf](http://www.apec.org.au - docs/06_PrelimConf/1.2_CMorrison(ppt).pdf)